

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 227–232, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-227-232
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.221(=512.212)(=512.211)

Images of the Antipode-Demiurges in the Creation Myths of the Evenks and the Evens

Maria P. Dyakonova¹

¹ Laboratory Assistant at the Institute of Humanities and the Indigenous Peoples of the North, SB RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dmp76@bk.ru

Abstract

Myths take a significant place in the folklore tradition of the Evenks and the Evens. Among them the texts of the myths stand out that are united by the theme of the world's creation. Moreover, in the culture of these people among the stories of the creation of the world particularly the creation myths of the earth are presented. The article describes the antipodes Hargi (the Evenks) and Aringka (the Evens), acting as creator's assistant Seveki and Hevki in the creation of the world.

In the myths of the creation the Hargi's image evolves from the "inept" wannabe — co-creator to the evil antipode — demiurge. Everything that Hargi created on the outlooks of the Evenks is harmful for the person and all worlds around. According to the materials, the Hargi's image is presented only in the Evenk mythology of the creation, neither in the epic, nor in other folklore works.

The Even's Aringki, acting as a co-creator of the earth, is the antipode of the deity Hevki. In the myths of creation, this hero acts as a personalized character having its own name. According to the materials of the Even's folklore, unlike the Evenk Hargi, the character Aringka went beyond the myths of the creation and became the hero of various folklore genres. In heroic legends he often acts as the main negative character, opposing the main hero or heroine. The analysis of the etymology revealed that the name of the Evenk co-creator is associated with the evil ghost, reviving again and again through the devilry. The author defines the general conclusion that the antipodes of the creators in the myths of creation the Evenks and the Evens keep community and also have its own specifics.

Keywords: Evenks, Evens, myth, co-creator, demiurge, antipode.

В мифах творения демиургу противопоставлен его противник, которому присущи демонические и вредоносные черты, часто выступающий в образе антипода верховного божества. В мифах антипод демиурга создает все вредное. Широко распространены мифы о боге и его противнике, портящем творение, приносящем в мир болезни и смерть и т. д. В мифах творения мира эвенков и эвенов выступают образы Харги — у эвенков и Анринка — у эвенов.

Харги. В эвенкийских мифах творения Харги выступает антиподом Сэвэки, но ему присущи и черты демиурга. По сюжетам эвенкийских мифов, в начале творения земля отсутствует, а на небе живут два брата. Харги, старший брат Сэвэки, соперничает с ним в актах творения. По мировоззрению эвенков, все, что создал Сэвэки, полезно для человека, что не скажешь обо всех творениях Харги. Некоторые созданные Харги предметы имеют право на существование, не являясь бесполезными для окружающего мира. В словаре «Мифология» при этом находим следующие сведения о нем: «Творец-демиург Харги создал вредных для человека животных и кровососущих насекомых, испортил вылепленные братом фигурки людей, соблазнив караульщика фигурок пищей (теплой одеждой) и получив доступ к фигуркам, он плюнул (дунул) на изваяния, из-за чего люди стали болеть и умирать» [Мифология 2008: 585]. Отметим, что с распространением христианства в эвенкийской среде образ Харги стал ассоциироваться с Сатаной, в некоторых текстах имя Харги заменено на Сатану [ФЭЯ; ДХ].

Следует заметить, что такой образ *Харги* создан к периоду окончательного формирования эвенкийских мифов о творении мира. Указанный цикл развивался по мере эволюции мышления и этнического сознания эвенков, историческое развитие которых продолжалось длительное время. Образ *Харги* формировался постепенно, о чем свидетельствуют сами мифы. Рассмотрим эволюцию образа *Харги* по имеющимся мифам нашего цикла.

На первых этапах формирования рассматриваемый персонаж не имеет имени собственного, т. е. отсутствует его персонификация: он выступает как безымянный старший брат Сэвэки — Сэвэки акинин: *Билир Сэвэки акинан бидечэл* 'Прежде Сэвэки жил со старшим братом' [ФЭЯ: 322–323]. В текстах из сборника 1936 и 1971 гг. имя Харги малоупотребительно [МЭТФ; ФЭЯ].

Во многих текстах Харги выступает «неумелым творителем (со-творцом)», подражая брату в его творениях, он получает обратный результат: *Эра-тара очиливки, той хунтутоно овкил* [ДХ: 9] 'То это, то другое начинает делать, а у него все не то получается' [ДХ: 32].

Далее на прежний образ «неумелого творителя» наслаивается мотив зависти, из-за чего и получают другие творения: *Акинми аламадяна, ирэктэ одави некэлчэ. Ирэктэвэ олча, нуңандун-кана ирэктэ эчэ овра, ирэктэ оннудун арай дягда оча. Еда тыкэн оча, гунчэнни? Тар Харги эрут, уһат дялдана одяча бутуннувэ, тадук ая эвки юрэ. Тадук акинми аламадяна, чалбанма очилча. Чалбан оннудун харгиду дульгиктэ ючэ. Эрэ-тара очиливки, той һунтутоно овкил. Еда тыкэн? Тар уһа дяличидукин, уһа додукин тыкэн бичэ. Сэвэки, одяна, аява дялдавки, Харги одяна, эрувэ-уһава дялдавки. Сэвэки онан бутунну ая бэеду бивки, харги онан сома надая ачин. Дягдава харги оча, тадук дягдава эвенки эвки илара, эвки самңиндуи нэрэ. Дягдава, опкорово самңинду эвкил илара, ороп бумулдингэтын. Тар оде. Дягда, дульгиктэ — тар Харги монгилин* [ДХ: 31] 'Увидев, что брат создал дерево-лиственницу, Харги тоже хотел сотворить лиственницу. Но так как душа его была темна из-за зависти, лиственницы у него не получилось, а получилась сосна. Сосна — творение Харги. Увидев, что брат создал березу, Харги хотел создать березу, но вместо березы у него получилась ольха' [ДХ: 12].

Е. М. Мелетинский на примере фольклора меланезийцев отмечал, что полезная и вредная деятельность братьев-близнецов выражает противопоставление не добра и зла, а скорее — ума и глупости, трудового опыта и неумения [Мелетинский 2004: 34]. В эвенкийском языке слово *харги* употребляется в значениях: 1) злой дух; 2) дух тайги (леса); 3) дикий олень [Мыреева 2004: 546]. Слово *харги* в эвенкийском языке, кроме значений 'дух, дьявол, черт', имеет ряд других значений, не несущих злого и вредного начала: 'лес, мелкий лес', 'дикий олень', у нерчинских эвенков — 'земля'. Этимология имени Харги показывает, что вначале слово *харги* не было связано с понятиями «зла и вредности для человека». Поэтому его поступки во многих сюжетах мифов творения не являются злонамеренными.

Потерпев неудачу в творениях, Харги уже намеренно решает, что он будет создавать все противоположное тому, что создает его брат, — лишь все вредное для человека: *Сэвэки, одяна, аява дялдавки, Харги одяна, эрува-ухава дялдавки* [ДХ: 32] ‘Сэвэки, творя, хорошее задумывал [сотворить], Харги? делая плохое, [низменное] замышлял’ [ДХ: 12].

Харги противопоставляется Сэвэки по одному из главных своих поступков: обманув собаку, охранявшую творения Сэвэки, Харги попортил фигурки людей, поэтому люди стали смертными: *Эрикталин сатана омилва, тумниран. <...> Сатана тумниндукун илэл буллэ* ‘Посмотрел сатана на души и плюнул. <...> От плевка сатаны люди стали умирать’ [МЭТФ: 30].

В другом варианте: — *Сэвэки онан бэе ахаканма бивки бигин, инын урумкун бигин. Урумкун биничи урангкай онган!* [ДХ: 33] ‘Мой брат хотел создать людей бессмертными, но я испортил его творения. Люди не будут бессмертными, они будут болеть и станут умирать раньше времени’ [ДХ: 13].

Основной сюжет порчи человека со-творителем Харги таков: обманув собаку-караульщицу, чтобы увидеть творения брата, Харги просит открыть дверь и обещает собаке одежду. Об этом в мифе эвенков говорится: *Акинин гунэн: «Нирэкис, синду окинкат эхис тэтицнэрэ тэткэйэ будицав», гунэн. Нинакин нирэн. Акинин нэкунми оналбан бутуннувэ ичэрэн. Тарит нинаду нандаман бурэн* [ФЭЯ: 323] ‘Старший брат сказал: «Если откроешь, то я дам тебе одежду, которую никогда не носила». Собака открыла. Старший брат осмотрел все, что сделал его младший брат. За это дал собаке мех’ [ФЭЯ: 325].

Как показывает материал, с формированием цикла творения как системы мифов о творении мира божеством Сэвэки и его антиподом образ Харги эволюционирует от «неумелого» со-творителя к «вредителю».

Запрет-оберег на употребление в пищу творений Харги мотивируется «темным злым нутром» Харги: *...Сэвэки дуннэ токтаван окса, тадук бэйңэлвэ, дэжилвэ дуннэдут олча. Сэвэки онан – бутунну ая, таргачир дэжилвэ эвенки-бэе депивки: хороки, хингкичэн, караки. харги онаван эвенки-бэе эвки дептэ, одёкичивки. Кирэктэвэ эвкил дептэ, нуңанман харги оча. Тадук эхилэ нонон гуниңкитын: Екуна-вал оми, аят дялдакал. Эрут дялдаракис эру одиңан, харгидугачин* [ДХ: 12] ‘Когда Сэвэки со-

здавал птиц и зверей, полезных для человека, Харги создавал вредных для человека. И чтобы уберечь человека от вредительства Харги, Сэвэки накладывал на них запреты, запреты на употребление их в пищу. Все эвенки знают эти запреты. Так, Сэвэки создал рябчика, а Харги — дятла. То, на чем лежит запрет Сэвэки, эвенки не едят, что можно есть, а что нельзя — это тоже наказ Сэвэки’ [ДХ: 32].

В фольклоре эвенков образ Харги имеется только в мифах творения, ни в эпосе, ни в других фольклорных произведениях он не присутствует, так как наложен запрет на любые повествования и рассказы о нем [Варламов 2009: 44]. Таким образом, только с окончательным формированием эвенкийского цикла творения мира Харги становится злым со-творцом земли.

С развитием представлений эвенков о нижнем мире в противовес среднему и верхнему мирам Харги эволюционирует в традиционном мировоззрении эвенков до злого духа и обитателя-хозяина нижнего мира. А. Мазин пишет о Харги: «Во-первых, в представлениях эвенков-орченгов, Харги — владетель нижнего мира и является самым злым духом, постоянно приносящим горе людям. Во-вторых, вся его внешность представлена в страшном облике для восприятия обычного человека. Вместо правой кисти страшная человечья голова с оскаленными зубами, на левой руке огромный коготь, вместо ног у него могут быть култышки (может быть и одноногим), с совершенно лысой головой, а туловище заросло шерстью. При встрече с Харги человек не должен показывать вид, что он его боится. Тогда Харги его не тронет» [Мазин 1984: 17–18]. По некоторым сведениям, его внешний облик напоминает эвенка, только в несколько раз выше и массивнее.

Образ Харги получил у эвенков развитие и в шаманских представлениях. У некоторых групп эвенков словом *харги* называют духов-помощников шамана, связанных с нижним миром Хэргу буга. Они (*харгил*) имели зоантропоморфный облик и сопровождали шамана в его путешествиях по нижнему миру. Шаманские духи-помощники, имевшие связь с верхним и средним мирами, именовались *эяхэл*.

Итак, образ и персонаж Харги в мифах творения эволюционирует от «неумелого» подражателя-со-творителя до злого антипода демируга. В связи с запретом произносить его имя в быту образ Харги как фольклор-

ного персонажа ограничен лишь мифами о творениях божества Сэвэки. Представление о нем развивается далее лишь в общих мировоззренческих и шаманских представлениях эвенков.

Аринка. В мифах творения эвенков Аринка вместе с Хэвки выступает сотворителем земли и является его антиподом. Его образ имеет сходство с образом эвенкийского Харги, но Аринка не является братом божества Хэвки, как в мифах творения эвенков. По имеющимся материалам эвенских мифов творения, образ Аринка противоречив, проследить его эволюцию подробно не представляется возможным из-за малочисленности публикаций эвенских мифов творения. Позволим себе лишь предположить, что образ антипода Аринка был сформирован, когда северные тунгусы имели единую общность. Позже в силу исторического прошлого эвенков персонаж Аринка сохранил как прежние черты, так и приобрел свою специфику.

В эвенских мифах Аринка предстает персонифицированным героем, имеющим имя собственное: *Титэл төр бумңундян мө бисин. (Ибдири бэй икэрэкэн) Хэвки бисин, Ариңка бисин* 'Раньше везде была вода. Был Хэвки, был Аринка' [ФЭБ: 205–206].

По одному из сюжетов Аринка ворует кусочек принесенной гагарой земли. По тексту цель его поступка не ясна, скорее всего, следует трактовать его как противодействие творцу Хэвки, в указанном тексте божество Хэвки ассоциируется с христианским святым Николой (Миколой). В наказание за воровство Аринка проваливается под землю: *Өкэңэ амңадукун төру укал ариңка дёрамрин. Микола ариңкав тумниснин, ариңка төр хэрдэлэн тикрин, тарич тек ачча ариңка.* 'Выскользнула из клюва гагары глина, а Аринка уже тут как тут — украл ее. Плюнул Микола в Аринку, упал Аринка под Землю. С тех пор нет на Земле Аринки' [ФЭБ: 205–206].

По другому сюжету мифа творения Аринка становится обитателем и хозяином нижнего мира (*Һэргик төр*) таким образом:

Хэвки өгинук көетникэн, төрлэ як-та ачча бисивэн, бэйлбу одай мулган. Ариңка хэргич төрлэ мэн бэйңэлби дюгудай некэдывэн иттин. Тадук Хэвки, төрлэ иссиди. Ариңкав төрдук илбэснин: «Хи элэ төрлэ эннэс бис, хин төрэңэс хэргилэ бисни» 'Хэвки увидел, Аринка с нижней земли (снизу) своих людей расселяет по всей земле (сред-

ней). Тогда Хэвки, спустившись на землю, Аринку с земли средней выгнал со словами: «Ты на этой земле не должен жить, твоя земля внизу находится» [ФЭБ: 208].

В одном из сюжетов Аринка предстает отрицательным персонажем: *Өмнэкэн тачин оралбу тикэчидникэн дески ичисниди иттин. Ямкар-уч нёнядиддын. Аич көеттэн — Ариңка тэгэччиддын. Хэвки балдавканчаван буюрбэн дептиди, эңние дялуриди, тэгэчитчэ. Хэвки, амаргич нэнриди, тогач хучиснин. Ариңка, оладариди исэснин, тадук мэн төрэңнэй гөбөрин. Хэвки, Ариңка иссивэн көеттин: магдилл төрли тугэ-нэлритэн* 'Аринка, наевшись то, что создал Хэвки, сидит. Хэвки подошел сзади и пронзил огнем. Аринку от испуга вырвало, от его рвоты насекомые по земле расползлись' [ФЭБ: 207–208].

Идентичный эвенкийскому сюжету миф о предательстве собаки и порчи человека имеется и у эвенков. Так же, как из-за Харги, именно из-за Аринка человек обретает болезни и становится смертным:

Өмнэкэн, Ариңка эмэриди, улгимин: «Нин, яв дяючинри оңниди?» — «Яв-да эсэм», — барагран ңин. «Нин, жи яв дяюттий ичукэнэкэс, ок-та этив тэкэмрэ тэтигэс бөдим», — гөнни Ариңка. Тачин ңин ням, эти тэккэрэ тэтилкэн одай, Ариңкаду бэйңи ичукэнни. Ариңка-дамар, бэю иттиди, ниңиттэн — бэй кэнелич бидэн, кэнелич индэн, эдэн ноңан чикти, эңи хо бис [ФЭБ: 229] 'Однажды к собаке пришел Аринка и спрашивает: «Собака, что прячешь в подмышках?». — «Ничего», — отвечает собака. «Собака, [если] ты, что прячешь — покажешь, никогда не рвущееся пальто дам», — говорит Аринка. Собака захотела одежду, показала Аринке человека. Аринка, увидев человека, проклял того, [чтобы] человеку плохо было, [чтоб] плохо жил, [чтобы] он сильным, быстрым и ловким не был' [ФЭБ: 230].

В отличие от эвенкийского Харги, персонаж Аринка перешагнул за границы мифов творения. В повествовательном фольклоре персонаж Аринка весьма распространен, в эвенском архаическом эпосе он выступает главным отрицательным персонажем, противостоящим человеку (герою или героине). В *нимканах* так же, как и в мифах-тэлэң, Аринка — обитатель нижнего мира. Он может превращаться в различных зверьков либо иметь обличие мужчины, за которого по неведению выходят замуж девушки

среднего мира. В *нимкане* «Мэтэлэ» Аринка принимает облик то мальчика, то горбатого старика с кривыми ногами, растрепанными волосами, ртом до ушей и глазами различной величины и формы.

В *нимкане* «Нёлтэк», записанном у березовских эвенов, Аринка выступает одним из главных отрицательных героев. Он хочет жениться на девушке по имени Нёлтэк, будучи чертом и жителем нижнего мира [ФЭБ: 304, 332].

Персонажами *нимканов* могут выступать и дети Аринки. Из сказания «Нёлтэк» мы также узнаем, что у Аринки есть дети: *...бөңкэчэ додукун хэкэриттитэн тэндун дюлаккар кунал: дяпкан нилката асаткан нян дяпкан нилката хуркэн* '...из-под бугорка выскочили совсем голые ребятишки: восемь лысых девочек и восемь лысых мальчиков' [Нестерова 2012: 65]. Она также отмечает, что Аринка может быть представлен как некое сверхъестественное существо, олицетворяющее зло, нечистую силу (злого духа, людоеда, дьявола) [Нестерова 2012: 66].

В эвенском языке *ариңка* может означать 'злой дух, черт, бес, дьявол, чудовище'. Значение корня *ари-* в эвенском языке объединяет слова, образующие названия предметов и действий, связанных с потусторонним миром, — злые духи, привидения и пр. Так, слова *арисаг* и *аритти* означают 'привидение, призрак, черт'. Глаголы *аридай* и *ариттай* имеют значения 'вызывать страх, напугаться злого духа' при появлении черта [Роббек и др. 2005: 45–46]. Общее значение корня сводится к значению 'злое начало'.

Слово *ариңка* есть и в эвенкийском языке, оно имеет значения 'злой дух', 'нечистая сила', 'воскресший призрак' [Мыреева 2004: 54]. От корня *ари-* в языке эвенов образованы глаголы со значением 'оживить, возродить, воскресить'. В других тунгусо-маньчжурских языках находим однокоренные слова: в нанайском — *ариц* «идол в человекообразном изображении с девятью зубцами на голове, безруким туловищем, раскрашенным горизонтальными полосами — от сумасшествия», в маньчжурском — *арши* «злой дух» [ССТМЯ 1975: 51]. Итак, следует подытожить, что этимология имени эвенского со-творителя связана со злым духом, возрождающейся вновь и вновь нечистой силой. Образ Аринка в других жанрах эвенского фольклора требует специального исследования.

Таким образом, антиподы творцов в мифах творения эвенов и эвенов сохраняют общность, а также имеют свою специфику. Как показывают материалы эвенских мифов, персонаж Аринка вышел за пределы мифов творения и стал персонажем других жанров фольклора эвенов. У эвенов Харги сохранился в мифологических сюжетах творения земли, а также получил развитие в шаманской культуре.

Источники

- ДХ — Варламова-Кэптукэ Г. И. Двуногий да поперечноглазый, черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга. Якутск: Кн. изд-во, 1991. 52 с.
- МЭТФ — Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г. М. Василевич. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича, 1936. 290 с.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- ФЭБ — Фольклор эвенов Березовки: образцы шедевров / сост. В. А. Роббек. Якутск: Северовед, 2005. 362 с.
- ФЭЯ — Фольклор эвенов Якутии / сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Л.: Наука, 1971. 330 с.

Литература

- Варламов А. Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 96 с.
- Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенов-орочононов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и исторические памятники. 2-е изд., испр. М.: Изд-во вост. лит., 2004. 462 с. (Исслед. по мифологии и фольклору Востока).
- Мифология: энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Репринт. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2008. 736 с.
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Нестерова Е. В. Образ аринки в эвенском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. С. 63–66.
- Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь (эвэды-нючиды торэррук). Новосибирск: Наука, 2005. Т. 6: Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 356 с.

Sources

- DH — Varlamova-Keptuke G. I. *Dvunogij da poperechnoglazyj, chernogolovyj chelovek-jevenk i ego zemlja Dulin Buga*. [Two-legged and crosswise eyes, dark-haired Evenk and his land Dulin Buga]. Yakutsk, Book Publ., 1991, 52 p. (In Russ.).
- FEB — *Fol'klor Evenov Berezovki: obrazcy shedevrov* [Folklore of the Evens of Berezovka: samples of masterpieces]. Compiled by V. A. Robbek. Yakutsk, Severoved Publ., 2005, 362 p. (In Russ.).
- FEYa — *Fol'klor Evenkov Yakutii* [Folklore of the Evenks of Yakutia]. Compiled by A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 330 p. (In Russ.).
- METF — *Materialy po jevenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Materials on Evenk (Tungus) folklore]. Compiled by G. M. Vasilevich. Leningrad, Institute of the peoples of the North of the Central Executive Committee of the Soviet Union named after Publ., P. G. Smidovich, 1936, 290 p. (In Russ.).
- SSTMYa — *Sravnitel'nyj slovar' tungusoman'chzhurskih jazykov* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages]. Managing edit. V. I. Cincius. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 1, 672 p. (In Russ.).
- of 20th century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russ.).
- Meletinskij E. M. *Proishozhdenie geroicheskogo jeposa: rannie formy i istoricheskie pamjatniki. 2-e izd., ispr.* [The Origin of the heroic epic: early forms and historical monuments. 2-nd ed-n., Rev.]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2004, 462 p. (*Issled. po mifologii i fol'kloru Vostoka* Studies on mythology and folklore of the East) (In Russ.).
- Mifologija: enciklopedija* [Mythology: encyclopedia]. Editor-in-chief E. M. Meletinskij. Reprint. Moscow, Bol'shaja rossijskaja enciklopedija; Drofa Publ., 2008, 736 p. (In Russ.).
- Myreeva A. N. *Evenkijsko-russkij slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. 798 p. (In Russ.).
- Nesterova E. V. *Obraz arinŋki v jevenskom fol'kloru* [The Image of arinŋki in the Even folklore] *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of theory and practice), 2012, no. 3, pp. 63–66 (In Russ.).
- Robbek V. A., Robbek M. E. *Jevensko-russkij slovar' (Evedy-njuchidy toreruk)* [Even-Russian Dictionary (Evedy-njuchidy toreruk)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, vol. 6: *Pamjatniki etničeskoj kul'tury korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* (Monuments of the ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East), 356 p. (In Russ.).
- Varlamov A. N. *Istoricheskie obrazy v jevenkijskom fol'kloru* [Historical images in the Evenk folklore]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 96 p. (In Russ.).

References

- Mazin A. I. *Tradicionnye verovanija i obrjady evenkov-orochonov (konec XIX – nachalo XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenks-orogens (the end of the 19th – beginning

УДК 398.221(=512.212)(=512.211)

ОБРАЗЫ АНТИПОДОВ ДЕМИУРГОВ В МИФАХ ТВОРЕНИЯ ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ

Мария Петровна Дьяконова¹

¹ лаборант Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Российская Федерация). E-mail: dmp76@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению характеристик антиподов Харги (эвенки) и Аринка (эвены), выступающих со-творителями земли — антиподами божеств Сэвэки и Хэвки. Эвенкийский Харги в мифах творения эволюционирует от неумелого подражателя, со-творителя до злого антипода. Представление о нем развивается далее в общих мировоззренческих и шаманских представлениях. Образ эвенского со-творца Аринка имеет как сходство, так и различие с эвенкийским Харги. Персонаж Аринка вышел за рамки эвенских мифов творения и получил развитие в других жанрах фольклора.

Ключевые слова: эвенки, эвены, миф, со-творитель, демиург, антипод.